Маргарита Солнцева

Долгая трансляция

Маргарита Солнцева
Долгая трансляция

https://litres.ru/74710219
SelfPub; 2026

Аннотация

Мурманск, полярная ночь, ноябрь. На льду озера в Кольском районе садится объект, и первое, что он говорит, — «Оставайтесь с нами». Никто не понимает, что это значит, кроме сурдопереводчицы Насти Ветровой: гость выучил русский язык по восьмидесяти годам нашего телевидения и говорит цитатами из эфира. Она переводит чужую речь всю жизнь и знает главное правило: смысл не в словах, а в том, что за ними. Роман о непереведённом — о том, что мы вещаем в пустоту, не зная, кто слушает.

Содержание

Глава 1. Ночь без эха 5
Глава 2. Тихая бухта 31
Глава 3. Язык эфира 58
Глава 4. Сорок тысяч лет 84
Глава 5. Первый жест 110
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Маргарита Солнцева
Долгая трансляция

Научная фантастика

Долгая трансляция

Солнцева М.В.

Мурманск, полярная ночь, ноябрь. На льду озера в Кольском районе садится объект, и первое, что он говорит, — «Оставайтесь с нами». Никто не понимает, что это значит, кроме сурдопереводчицы Насти Ветровой: гость выучил русский язык по восьмидесяти годам нашего телевидения и говорит цитатами из эфира. Она переводит чужую речь всю жизнь и знает главное правило: смысл не в словах, а в том, что за ними. Роман о непереведённом — о том, что мы вещаем в пустоту, не зная, кто слушает.

SunnyBooks

Глава 1. Ночь без эха

Похороны были в четверг, в половине второго, потому что в час сорок привозили гроб из морга, а в два нужно было освободить помещение: после них шла другая семья, у которой, как сказала женщина из ритуального отдела, «ребёнок и обстоятельства».

Я стояла у стены, между батареей и вешалкой, и переводила.

Глухие не плачут громче слышащих. Они плачут иначе — с той тяжёлой бесшумностью, которая пугает больше, потому что не выходит наружу, а оседает в человеке и потом остаётся там на годы. Сын покойной, мужчина лет пятидесяти, в кожаной куртке, не плакал вообще. Он смотрел на меня и ждал, что я скажу. Всё, что говорил священник, шло через меня, а я стояла и думала о том, что не имею права упрощать, но обязана успеть за ним.

— «Земля еси и в землю отыдеши», — сказал отец Сильвестр, и я показала: земля, ты земля, в землю пойдёшь.

Кожаная куртка кивнула.

— «Радуйся, яко сподобился», — продолжал священник, и я перевела трудное слово через два простых: покойной хорошо, она больше не боится.

И тут сын наконец заплакал — коротко, одним вздохом, — и я поняла, что это было то, что он ждал услышать семь-

десят лет: что мать больше не боится.

На улице было минус двенадцать и ветер. Я шла к остановке и повторяла про себя руками, без рук, как делаю всегда, когда мозг устал и хочет проверить: живой ли профессиональный аппарат. Минус двенадцать. Ветер. Настя, ты замёрзла. Ты голодная. Ты не звонила бабушке.

Бабушка живёт со мной с тех пор, как ей стало трудно одной. Ей восемьдесят четыре, она глухая с сорока одного года — так получилось, до голову не уберегли: упала на льду на набережной, два года кружилась голова, потом пропали звуки, сначала высокие, потом все. Она не считает это трагедией. Она говорит: «Мне повезло, я успела услышать радио».

Она действительно работала на радиоузле двадцать восемь лет и знает все дикторские голоса, какие были в области, по имени и отчеству. Хорошо, что ЭТО она уже не услышит, думаю я иногда, но потом вспоминаю, что она увидит — она всё видит, у неё зрение лучше моего.

В тот вечер у бабушки работал телевизор. Он всегда работает, поэтому я, вернувшись, не сразу поняла, что происходит: на экране была не музыка, не новости области, не сериал, а голубой лёд, снятый с беспилотника, и над льдом — свет.

Я скинула ботинки, сняла рукав уровня «пальто», как говорит бабушка, и села рядом.

На льду, километрах в трёх от берега, лежала штука. Собственно, «штука» — не моё сравнение: это слово произнёс в

кадре мужчина в пуховике с надписью «пресса». Штука была с неровным краем, похожим на изложницу, длиной метров тридцать, и она не блестела, а как бы размывала пространство вокруг: беспилотник подошёл слишком близко, и картинка в этом месте пошла волной.

Сверху, прямо над льдом, стоял человек.

Не в шлеме, не в скафандре. В пиджаке.

Он был старше, чем мне сперва показалось, и одет так, как одевались дикторы, которых показывала в записи бабушка: тёмный пиджак, белая рубашка, галстук широкий, лицо спокойное, чуть усталое, виски седые. Он стоял над льдом, как стоят перед камерой, и говорил.

Голоса не было слышно, только подпись внизу экрана, и в подписи стояло:

«ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ».

Я посмотрела на бабушку. Бабушка смотрела не на экран, а на меня.

— Ты видела, — сказала она. Не спросила.

— Видела.

— Он говорит не по-нашему, — сказала бабушка. — Он говорит нашим. Это разное.

Я тогда не поняла, что она имеет в виду, и, наверное, если бы поняла вечером двадцать седьмого ноября, всё пошло бы по-другому. Я не поняла. Я налила чаю, прогрела бабушке руки в своих и уложила её спать, а сама села на кухне и включила свой телефон, который уже начал показывать ту

же картинку с разных сторон.

В мире эту штуку на льду обсуждали с десяти утра. К вечеру выяснилось: объект совершил посадку в 5.44 по местному времени, мягко, без взрыва, без огня, без сейсмических возмущений. В 7.20 из него вышел человек в пиджаке. За сорок минут до этого лёд в этой точке стал прозрачным — в три раза прозрачнее, чем был, — и ученые не знали, как это объяснить.

Люди в те сутки не спали. Я видела в окне, как в соседнем доме во всех подъездах горел свет, как будто это был май.

В час ночи мне позвонили.

— Наталья Сергеевна Ветрова? — голос был мужской, ровный, вежливый и совершенно казённый.

— Анастасия, — сказала я. — Ветрова Анастасия Сергеевна.

— Извините. Анастасия Сергеевна, вы работаете сурдопереводчиком?

— Работаю.

— Нам нужен человек, который умеет читать язык. Не переводчик с английского. Человек, который понимает, что означает слово, когда его говорят без голоса. Вы понимаете, о чём я?

Я стояла в тёмной кухне, слушала, как в комнате бабушка поворачивается на другой бок, и понимала, что не понимаю, о чём он.

— Скажите прямо, — попросила я.

— На объекте идёт разговор, — сказал он. — Мы не понимаем, с кем. Нам нужен человек, который умеет смотреть, а не только слушать.

— Кто вы?

— Полковник Ким, — сказал он. — В восемь утра за вами приедут. Возьмите тёплые вещи, на объекте будет холодно. И не говорите никому, куда едете, — он помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы вежливое стало страшным, — но если вам от этого легче, скажите бабушке, что вы посмотрите на свет.

Он повесил трубку, а я ещё минуты две держала телефон в руке.

Потом я заварила себе чай, села и стала вспоминать, что говорила бабушка в тот вечер и вообще всегда, когда по телевизору показывали что-нибудь невозможное.

— Телевизор не врёт, — говорила она. — Телевизор работает. Врать могут только люди в нём.

Утром я вышла из подъезда в половине восьмого, и во дворе стояла машина — не чёрная, как я ждала, а серая, обычная, с наледью на капоте. Водитель, молодой парень в пуховике, не в форме, открыл мне заднюю дверь и сказал: «Здравствуйте. До самого озера два часа, если ветер не прижмёт, так что можно поспать».

Он был вежливый и очень усталый. Такие люди не врут: у них нет на это сил.

Я села и поняла, что никуда не поеду спать, потому что за

окном шёл город, в котором я выросла, и я впервые смотрела на него как человек, который едет не на работу, а в неизвестность, — и это оказалось удивительно похожим.

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Из тетради:

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

«Барсуков, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Сводка фраз, лист 453. Произнесено: 5. Найдено в архивах: 34. Новых: 13. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, три сорок, запись найдена.

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Кира разбирала запись у ворот КПП.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Опись архива, коробка 96. Лент: 3. Из них расшифровано: 11. [Пропуск: 17]

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Донесение. Объект: плита, у окна с видом на озеро. Зафиксировано 55 импульсов; время три часа ночи. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Запись закончилась в полдень, и снег шёл ещё час.

«Настя, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. У КПП стоял часовой и не двигался.

Барсуков сверял архивы в кают-компании.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это

было самое странное.

Эфирная азбука, лист 204. Знак: «две секунды». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Мать переводила жест на смотровой вышке.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Ким, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Настя, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Настя протирала объектив на берегу.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Пометка на полях:

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Не относится к делу: мать дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Записала: он ответил через полминуты после вопроса. Это его самое длинное молчание.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Гость показывал руками на смотровой вышке.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. В тетради

Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Дежурный учил знак у сопки.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Барсуков сверял архивы в кают-компании.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. У КПП стоял часовой и не двигался.

Кира разбирала запись в кают-компании.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что

от него ждали.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

В журнале наблюдений:

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Настя сверяла архивы у окна с видом на озеро.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Ким, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Гость ставил чайник в посёлке.

— Настя, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Ким проверял кабель у плиты.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Барсуков, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Дежурный писал в тетрадь на причале.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто

не смотрел.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Сводка фраз, лист 344. Произнесено: 4. Найдено в архивах: 7. Новых: 55. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, шесть утра, запись найдена.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Кира выходила на лёд в Мурманске.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Ким, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Настя писала в тетрадь в кают-компании.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Журнал наблюдения № 276. Время: полдень. Погода: снег. Видимость: 40 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В журнале наблюдений:

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Не относится к делу: Кира дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Гость смотрел на лёд у ворот КПП.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Бабушка грела руки у окна с видом на озеро.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Пометка на полях:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Записала: он ответил через почти час после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

«Настя, если комиссия спросит, кто показал сведения ре-

бёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 233: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: переводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Опись архива, коробка 61. Лент: 8. Из них расшифровано: 40. [Пропуск: 13]

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Эфирная азбука, лист 405. Знак: «полминуты». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Ким писал в тетрадь у окна с видом на озеро.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Дежурный смотрел на лёд в палатке.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Мать переводила жест на причале.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Барсуков выходил на лёд в машине.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником.

Кира слушала эфир в посёлке.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Запись закончилась в вечер, и снег шёл ещё час.

Из тетради:

Не относится к делу: гость дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Настя записывала фразу у генератора.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Бабушка учила знак в столовой станции.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Ким, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

У КПП стоял часовой и не двигался. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Ким считал импульсы на причале.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Сводка фраз, лист 416. Произнесено: 2. Найдено в архивах: 7. Новых: 5. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, полдень, запись найдена.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Кира, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. На столе стояли три стакана и один был перевёрнут.

Гость грел руки у края плиты.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Донесение. Объект: плита, в столовой станции. Зафиксировано 5 импульсов; время полдень. Импульсы идут ритмом

«три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Опись архива, коробка 13. Лент: 7. Из них расшифровано: 2. [Пропуск: 118]

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Кира ставила чайник у генератора.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Ким, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником.

Барсуков спорил с полковником на льду.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Из тетради:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Записала: он ответил через полминуты после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Запись в блокноте:

Не относится к делу: дежурный дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза почти час.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Мать пересчитывала повторы на смотровой вышке.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его по-

нимать.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише.

Ким грел руки на станции.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Запись закончилась в три сорок, и снег шёл ещё час.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Дежурный учил знак в кают-компании.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Журнал наблюдения № 242. Время: шесть утра. Погода:

снег. Видимость: 4 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Настя выходила на лёд у генератора.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Бабушка писала в тетрадь на льду.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Мать слушала эфир у окна с видом на озеро.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Запись закончилась в полдень, и снег шёл ещё час.

«Ким, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Гость спорил с полковником на причале.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

У КПП стоял часовой и не двигался. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 457: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: пе-

реводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

Донесение. Объект: плита, на льду. Зафиксировано 7 импульсов; время шесть утра. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Глава 2. Тихая бухта

Дорога шла сначала вдоль залива, потом ушла в сопки, и в сопках стало совсем темно: полярная ночь не отменяет рассвета, но рассвет здесь — это когда серое становится светло-серым, и если ты не смотрел на часы, ты не заметишь разницы.

Я спала минут сорок и проснулась от того, что машина остановилась.

— Приехали, — сказал водитель. — Дальше пешком нельзя, там лёд проверяют каждые два часа.

Станция называлась «Тихая бухта» и когда-то была военной. Я это знала: в детстве мы с отцом ездили за грибами в эти места, и он показывал на длинное здание с антеннами и говорил: «Там слушают».

— Что слушают?

— Всё, — говорил он. — Так положено.

Теперь антенны стояли без чехлов, и на одной из них висела гирлянда — не праздничная, а из светодиодных лампочек, которую кто-то притащил из дома, потому что зимой на антенну надо смотреть, а не нащупывать.

Внутри пахло, как пахнет во всех зданиях, которые отапливают чем придётся: мокрой тканью, соляркой и кофе. Коридор был длинный, с дверями по обе стороны, и на каждой двери висели бумажки, приклеенные скотчем: «Аппа-

ратная», «Кают-компания», «Не входить (замок сломан)».

Меня встретил человек в свитере, который выглядел так, будто не спал с самой посадки объекта.

— Барсуков, — сказал он. — Илья. Ксенобиология, если это слово что-то вам говорит. Оно, честно говоря, ничего не говорит даже мне.

— Анастасия, — сказала я. — Сурдопереводчик.

— Да, я знаю. — Он потёр лицо. — Извините, я не умею говорить вежливо, когда у меня в голове сорок вопросов и ни одного ответа. Идёмте, вас хочет Ким.

Полковник Ким сидел в комнате, где на столе лежали три термоса, две рации и один бутерброд, надкушенный с краю.

Он встал, когда я вошла, и это было единственное, что он сделал «по уставу»; всё остальное в нём было уставшим и человеческим. Лет сорока семи, с седыми висками, с руками, которые привыкли что-то держать.

— Садитесь, — сказал он. — Сначала я скажу то, что должен сказать по инструкции, потом то, что думаю.

Я села.

— По инструкции: всё, что вы увидите и услышите, — государственная тайна. Вы подписываете бумагу. Вы не звоните никому, кроме меня, и не рассказываете даже бабушке. Если нарушите — статья, и я не смогу вас вытащить, потому что я и себя не смогу.

— А что вы думаете? — спросила я.

Ким посмотрел на бутерброд, потом на меня.

— Я думаю, что мы стоим на льду и разговариваем с чем-то, что прилетело сюда сорок тысяч лет, и что если мы это испортим, то второго раза не будет. — Он выдохнул. — И ещё я думаю, что мне дали приказ, который я не понимаю, и это плохо кончается.

— Какой приказ?

— Потом, — сказал Ким. — Сначала посмотрите.

До объекта мы шли двадцать минут по льду. Лёд был укатанный, с наледью, и по нему ездили снегоходы, оставляя ровные полосы; вдоль пути стояли вешки с флажками — красными и оранжевыми, — и я подумала, что это самая человеческая вещь, которую я сегодня вижу: кто-то ночью, в темноте, расставил флажки, чтобы другие не провалились.

Объект я увидела издалека, потому что он был не чёрный и не блестящий, а светло-серый, и на фоне льда его можно было принять за сугроб.

Вблизи он не был похож ни на что.

Это была не тарелка и не сигара. Это была плита, как если бы кто-то взял страницу из книги и увеличил её до тридцати метров, — плоская, с неровным краем, с бороздами, которые шли по поверхности в определённом порядке: три коротких, одна длинная, три коротких. Я поймала себя на том, что машинально считаю: три, одна, три, три, одна, три.

— Не считайте, — сказал Барсуков. — Все считают. Начинают с ритма и заканчивают тем, что не спят. Мы уже прошли эту стадию: оно специально так сделано, чтобы человек

считал.

— Зачем?

— Потому что человек, который считает, не боится. — Он усмехнулся. — Мы думаем, что это не оружие. Это что-то вроде приглашения.

Он стоял метрах в пятнадцати от плиты, на льду, и в этот момент я поняла, почему бабушка сказала «он говорит нашим».

Сначала мне показалось, что это человек. Потом — что это очень хорошая проекция человека. Он был из света, но свет в нём шёл не наружу, а внутрь: фигура как будто состояла из мельчайших серых точек, которые всё время двигались, и когда я перестала смотреть на лицо и посмотрела на край плеча, край оказался размытым, как на старом снимке.

Одет он был в тёмный пиджак, белую рубашку и широкий галстук. Волосы зачёсаны назад, виски седые. Он стоял ровно, руки опущены, и смотрел не на нас, а чуть выше наших голов, туда, где обычно стоит оператор.

Я узнала его через секунду, и от этого узнавания у меня по спине пошло холодом, хотя я и так стояла на льду.

В семьдесят девятом году в Мурманске умер диктор местного телевидения по фамилии Дерюгин — я знала его по записям, которые бабушка включала, когда хотела вспомнить, как звучит нормальный голос. Именно он вёл в нашей области программу «Северный день» восемь лет.

У него было такое лицо.

— Это не он, — сказал Барсуков, глядя на меня. — Мы проверяли. Это не человек и не тело. Это изображение, которое он выбрал.

— Он выбрал?

— Мы спрашивали. Он ответил.

— Чем?

— Телевизором, — сказал Барсуков.

И объект заговорил.

Голос был мягкий, чуть шершавый, с той старой дикторской манерой, где каждое слово стоит отдельно и не спешит за следующим:

— Добрый вечер, товарищи. — Пауза. — Мы продолжаем нашу передачу.

Ким рядом со мной выдохнул и сказал очень тихо, не мне:

— Сорок восемь часов. Он произносит фразы, которые где-то когда-то звучали. Мы искали в архивах: находим совпадения. «Добрый вечер, товарищи» — из открывалки семьдесят третьего года. «Мы продолжаем нашу передачу» — из какой-то детской программы.

— Он говорит цитатами, — сказала я.

— Он говорит нашим языком, — поправил Ким. — Мы не уверены, что он умеет говорить иначе.

Фигура повернула голову — медленно, как поворачивают её люди, которым неловко, — и посмотрела прямо на меня.

— Оставайтесь с нами, — сказал он.

И я сделала то, что делаю всю жизнь, когда человек гово-

рит не то, что имеет в виду. Я посмотрела на его руки.

Руки в проекции висели свободно, чуть расслабленно, — и на секунду, на одно движение, левая рука шевельнулась: четыре пальца вниз, короткий поворот кисти, два пальца вперёд.

Я перевела машинально, как переводят на автомате чужие слова при высокой температуре:

— Он говорит: «Я жду».

Ким обернулся так резко, что хрустнул наст.

— Что?

— Руки, — сказала я. — Он говорит руками. Это не русский жестовый, это не наша система, но смысл я прочитала: ждать. Он сказал «ждите» или «жду».

«Кира, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега.

Дежурный проверял кабель в посёлке.

— Кира, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Пометка на полях:

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Не относится к делу: мать дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Барсуков спорил с полковником у плиты.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Пометка на полях:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Записала: он ответил через полминуты после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Ким смотрел на лёд в посёлке.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Эфирная азбука, лист 80. Знак: «две секунды». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Запись в блокноте:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза минуту.

Не относится к делу: Настя дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка.

Настя делала пометку на льду.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Из тетради:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Записала: он ответил через две секунды после вопроса. Это его самое длинное молчание.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяно-

сто одна с источником. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Кира разбирала запись на берегу.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из тетради:

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Не относится к делу: гость дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

«Ким, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Из тетради:

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его слова-

ре.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Мать переводила жест в Мурманске.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. Запись закончилась в три сорок, и снег шёл ещё час.

«Барсуков, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Барсуков, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Журнал наблюдения № 252. Время: три сорок. Погода: снег. Видимость: 55 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Дежурный спорил с полковником на берегу.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Настя, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

У КПП стоял часовой и не двигался. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Бабушка выходила на лёд в радиорубке.

— Настя, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Ким ставил чайник у сопки.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Настя ставила чайник в палатке.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Запись закончилась в вечер, и снег шёл ещё час.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг

уже подтаивало.

Кира переводила жест в кают-компании.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Барсуков, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Запись в блокноте:

Записала: он ответил через полминуты после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Не относится к делу: дежурный дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

«Настя, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Дежурный проверял кабель в палатке.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Гость учил знак в столовой станции.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Запись в блокноте:

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Опись архива, коробка 352. Лент: 40. Из них расшифровано: 7. [Пропуск: 0]

Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Барсуков слушал эфир у края плиты.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Из тетради:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Записала: он ответил через почти час после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Мать ждала ответа в кают-компании.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Сводка фраз, лист 256. Произнесено: 12. Найдено в архивах: 17. Новых: 8. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, вечер, запись найдена.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Ким, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

У КПП стоял часовой и не двигался. В архиве было холодно, и картон пах пылью.

Настя спорила с полковником в Мурманске.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью.

Бабушка переводила жест в машине.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Ким грел руки на дороге в бухту.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В журнале наблюдений:

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза минуту.

Не относится к делу: Барсуков дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записала: он ответил через полминуты после вопроса. Это его самое длинное молчание.

В журнале наблюдений:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

«Барсуков, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Эфирная азбука, лист 288. Знак: «две секунды». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Из тетради:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Не относится к делу: Кира дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Заключение комиссии, черновик. Пункт 426: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: переводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Кира учила знак у сопки.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Запись в блокноте:

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза две секунды.

Записала: он ответил через почти час после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Опись архива, коробка 50. Лент: 118. Из них расшифровано: 3. [Пропуск: 0]

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Из тетради:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза минуту.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Барсуков смотрел на лёд у плиты.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не на-

страивал этот ритм. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Запись в блокноте:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. В архиве было холодно, и картон пах пылью.

Гость делал пометку на дороге в бухту.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише.

Дежурный ставил чайник у сопки.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Настя сверяла архивы в посёлке.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Журнал наблюдения № 440. Время: час ночи. Погода: снег. Видимость: 3 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Кира проверяла кабель на станции.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и

всё равно подписывал.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. В машине пахло бензином и мокрой курткой.

Бабушка писала в тетрадь у плиты.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Пометка на полях:

Не относится к делу: бабушка дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Записала: он ответил через одиннадцать секунд после вопроса. Это его самое длинное молчание.

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Настя, если комиссия спросит, кто показал сведения ре-

бёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише.

Мать молчала и слушала на берегу.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Гость выходил на лёд у окна с видом на озеро.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Эфирная азбука, лист 209. Знак: «две секунды». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

«Ким, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

У КПП стоял часовой и не двигался. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Барсуков проверял кабель в кают-компании.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

«Кира, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Ким показывал руками на станции.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова,

а передавать право говорить.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником.

Дежурный проверял кабель у окна с видом на озеро.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Глава 3. Язык эфира

Первые сутки я не переводила. Я слушала и записывала.

Мне дали комнату в станции — бывшую комнату дежурного, с кроватью, тумбочкой и окном, в котором не было ничего, кроме темноты и отражения моей же лампы. Дали тетрадь, потому что я попросила тетрадь, а не планшет; на планшете я начинаю редактировать, а редактировать чужую речь нельзя.

За двое суток объект произнёс сто двенадцать фраз.

Я не знала об этом в первую минуту. Я узнала это к вечеру, когда Барсуков принёс мне распечатку и сказал:

— Вот всё, что он сказал, по порядку. Мы прогнали через поиск. Девяносто одна фраза нашлась в архивах теле- и радиопередач. Остальные двадцать одна, скорее всего, тоже откуда-то есть, но у нас нет доступа.

Я села на кровать и стала читать.

«Добрый вечер, товарищи». «Мы продолжаем нашу передачу». «Оставайтесь с нами». «Сегодня в программе». «Не переключайтесь». «В целях улучшения качества обслуживания». «Позвоните нам, и мы вам ответим». «Внимание, говорит Мурманск». «Проверка связи. Раз, два, три». «Дорогие друзья». «Спасибо, что были с нами». «До новых встреч».

Последняя фраза шла седьмой по счёту.

— Он попрощался на второй день, — сказал Барсуков, —

и потом четыре часа молчал. Мы думали, что всё, конец. А в четыре утра сказал: «Доброе утро, страна». Мы нашли источник: заставка программы «Время», год восемьдесят второй.

— Он не прощается, — сказала я. — Он ведёт передачу.

— Поясните.

— Смотрите. — Я положила распечатку на колени. — Он не говорит того, чего нет в эфире. Он берёт готовые куски. И если он взял «до новых встреч», это не значит, что он уходит. Это значит, что в его словаре это ближайшее к смыслу «сейчас будет пауза». Как если бы вы переводили на язык, в котором нет слова «перерыв», и вам пришлось бы сказать «антракт».

Барсуков долго молчал, а потом сказал:

— Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Он выучил русский по телевизору. Не по учебнику.

— По восьмидесяти годам эфира, — сказал Барсуков. — Мы тут посчитали: если он слушал всё, что выходило в эфир на территории, начиная с пятидесятых, это примерно двести тысяч часов. Мы не знаем, слушал ли он только наш регион или всё.

— Судя по «Доброе утро, страна», — сказала я, — всё.

Мы пошли к нему утром, и я впервые заговорила с ним сама.

Ким стоял в трёх метрах, Барсуков — в пяти, за спиной

у меня работала камера, и я знала, что где-то в Москве, в комнате без окон, десять человек смотрят на меня в прямом эфире, и от этого у меня потели ладони.

— Здравствуйте, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Лицо у него было спокойное и очень усталое — так выглядит человек, который сорок лет выходит в эфир и уже не помнит, какой он без грима.

— Здравствуйте, — сказал он. — Мы рады вас видеть.

— Меня зовут Анастасия.

— Очень приятно.

— Как вас зовут?

Пауза. Свет в фигуре дрогнул.

— С вами говорит служба информации, — сказал он.

Я записала в тетрадь: имени нет. Или нет слова «имя». Или нет права.

— Вы понимаете, что я говорю?

— Внимание, — сказал он. — Проверка связи.

— Вы проверяете, слышу ли я вас?

— Раз, два, три.

— Я вас слышу.

Свет в фигуре стал ровнее.

— Спасибо, что были с нами, — сказал он.

Я обернулась к Барсукову. Тот смотрел на меня так, как смотрят на человека, который вытащил рыбу из проруби и сам не верит.

— Он ответил, — сказала я. — На вопрос «понимаете ли

вы меня» он ответил благодарностью за то, что я слушаю. Это не цитата наугад. Это смысл.

— Или совпадение, — сказал Ким.

— У него сто двенадцать фраз, — сказала я. — Вероятность случайного попадания в смысл на длинной дистанции — ноль.

Дальше мы три часа играли в игру, которую я потом назвала «эфирной азбукой».

Я спрашивала. Он отвечал фразой, и я записывала, какая фраза соответствует какому смыслу.

«Что вы хотите?» — «Оставайтесь с нами». Значит: останьтесь, слушайте, это важно.

«Вам нужна помощь?» — «В целях улучшения качества обслуживания». Значит: да, и это про вас, не про меня.

«Вы один?» — «На связи».

«Сколько вас?» — «Внимание, говорит Мурманск».

«Вас много?» — «Дорогие друзья».

— Он говорит «мы», — сказал Барсуков, когда мы вышли. — На любой вопрос о себе — «мы».

— Не только, — сказала я. — Он не может сказать «я». Посмотрите: сто двенадцать фраз — ни одного «я». «Мы», «вам», «с вами», «наша передача». Ни разу «я хочу», «я думаю», «мне нужно».

— Это лингвистика или характер?

— Это словарь, — сказала я. — В телевизоре почти нет честного «я». В телевизоре есть «мы» и есть «вы». «Я» по-

является у диктора, когда он говорит «я вам сейчас покажу», и это уже роль. Он выучил язык, в котором первого лица почти нет.

Ким, который всё это время молчал, вдруг сказал:

— То есть он не врёт. У него просто нет слов, чтобы сказать про себя.

Я посмотрела на него с удивлением. Полковник Ким, у которого на столе лежал надкушенный бутерброд, оказался человеком, который слышит.

— Да, — сказала я. — Именно так.

Вечером я не могла уснуть и вышла на улицу. Над станцией стояло зелёное — не яркое, а как тюль на ветру, — и я стояла в этой зелени одна и думала о том, что человек, который всю жизнь переводил чужие слова, впервые встретил того, кто говорит исключительно чужими словами.

И тут я поняла, что мне это знакомо.

Я знаю людей, которые говорят только цитатами. Это не инопланетяне. Это те, кому нечем сказать «мне больно», и они говорят «нормально». Те, у кого нет слов, потому что их никто не научил. Те, кто вырос в доме, где говорили лозунгами.

Разница была только в том, что у этого — двести тысяч часов чужой речи и ни одного своего дня.

Утром я сказала Киму:

— Ему нужно дать язык, в котором есть «я».

— У нас нет языка для него, — сказал Ким.

— Есть, — сказала я. — Мой.

Запись в блокноте:

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью.

Мать писала в тетрадь у генератора.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 457: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: переводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Донесение. Объект: плита, в Мурманске. Зафиксировано 40 импульсов; время шесть утра. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Кира, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Гость молчал и слушал в аппаратной.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Кира, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было

самое странное.

В журнале наблюдений:

Не относится к делу: гость дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза почти час.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Пометка на полях:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Сводка фраз, лист 354. Произнесено: 4. Найдено в архивах: 8. Новых: 11. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, полдень, запись найдена.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм.

Настя записывала фразу на берегу.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Кира, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Бабушка молчала и слушала на причале.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. У КПП стоял часовой и не двигался.

Ким молчал и слушал на дороге в бухту.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать

за ответ.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Эфирная азбука, лист 25. Знак: «минуту». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Кира проверяла кабель у края плиты.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Запись в блокноте:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Не относится к делу: Барсуков дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

«Барсуков, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. В архиве было холодно, и картон пах пылью.

Дежурный считал импульсы в машине.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Настя делала пометку на берегу.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не на-

страивал этот ритм. В машине пахло бензином и мокрой курткой.

Мать смотрела на лёд на причале.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Барсуков протирал объектив у генератора.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Бабушка сверяла архивы на причале.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже под-

таивало. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Пометка на полях:

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записала: он ответил через две секунды после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Пометка на полях:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником.

Гость ставил чайник в палатке.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Настя ждала ответа на дороге в бухту.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

У КПП стоял часовой и не двигался. Запись закончилась в полдень, и снег шёл ещё час.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. В машине пахло бензином и мокрой курткой.

Дежурный проверял кабель на причале.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. На столе

стояли три стакана и один был перевёрнут.

Мать показывала руками в палатке.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В журнале наблюдений:

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Не относится к делу: Ким дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. В архиве было холодно, и картон пах пылью.

Ким писал в тетрадь в палатке.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не на-

страивал этот ритм. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Барсуков, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Гость спорил с полковником у генератора.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

У КПП стоял часовой и не двигался. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Настя выходила на лёд у генератора.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В машине пахло бензином и мокрой курткой. В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью.

Бабушка грела руки у генератора.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В журнале наблюдений:

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза две секунды.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Записала: он ответил через минуту после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. На столе стояли три стакана и один был перевёрнут.

Кира делала пометку в палатке.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Барсуков, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега.

Дежурный учил знак у края плиты.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Запись закончилась в вечер, и снег шёл ещё час.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Ким записывал фразу у генератора.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Пометка на полях:

Не относится к делу: бабушка дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

В архиве было холодно, и картон пах пылью. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Мать выходила на лёд в палатке.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Опись архива, коробка 56. Лент: 8. Из них расшифровано: 5. [Пропуск: 13]

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 395: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: переводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. У КПП стоял часовой и не двигался.

Барсуков записывал фразу у края плиты.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Бабушка ставила чайник в кают-компании.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало.

Кира показывала руками на причале.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Ким вышел

на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Кира, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Настя записывала фразу у плиты.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Ким протирал объектив на станции.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Донесение. Объект: плита, у генератора. Зафиксировано 4

импульсов; время полдень. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

Журнал наблюдения № 73. Время: три сорок. Погода: снег. Видимость: 34 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником.

Гость показывал руками в радиорубке.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В машине пахло бензином и мокрой курткой. У КПП стоял часовой и не двигался.

Бабушка разбирала запись в радиорубке.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у

берега. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В журнале наблюдений:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

«Настя, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Кира учила знак на смотровой вышке.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

«Барсуков, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор.

Дежурный считал импульсы на льду.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише.

Ким сверял архивы в аппаратной.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Барсуков разбирал запись на дороге в бухту.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. Запись закончилась в полдень, и снег шёл ещё час.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Гость протирал объектив у ворот КПП.

— Что нам делать? — Смотреть. Это всё, что он просит.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Пометка на полях:

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза минуту.

Записала: он ответил через две секунды после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

У КПП стоял часовой и не двигался. На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега.

Мать пересчитывала повторы в радиорубке.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия.

Потом будет не наше время.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм.

Настя слушала эфир на причале.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Глава 4. Сорок тысяч лет

Барсуков работал в аппаратной, где на столе стоял ноутбук с наклейкой «не выключать» и рядом — чайник, который никто не мыл, потому что мыть его считалось дурной приметой.

— Садитесь, — сказал он. — Я вам расскажу то, что знаю. Только вы потом не спрашивайте меня, откуда я знаю. Половина — мои догадки, и я их сам боюсь.

— Хорошо.

— Во-первых, это не корабль, — сказал Барсуков. — У него нет двигателей. Ни одного углубления, которое можно назвать дюзой. Материал — не металл, не керамика, что-то, что при попытке взять пробу нагревается и не даёт образец. Мы пробовали восемь раз, потом нам запретили, потому что на восьмой раз от плиты пошла волна и в посёлке у трёх домов вырубились счётчики.

— А возраст?

Барсуков помолчал.

— По изотопам в наледи вокруг — сорок тысяч лет плюс-минус восемь. Но наледь могла образоваться позже. Мы думаем, что плита легла в лёд не в этом веке. Мы думаем, что она лежала здесь, в этом озере, всё это время.

Я поставила чашку.

— То есть она не прилетела в ноябре?

— Она поднялась, — сказал Барсуков. — В ноябре она поднялась. Это, наверное, самое точное слово.

Он встал и включил проектор, потому что был из тех людей, кто говорит, когда что-то показывает.

— Смотрите. Три коротких борозды, одна длинная, три коротких. Мы думали — ритм для счёта. Оказалось — обращение. Как адрес на конверте: три знака, разделитель, три знака. Один из наших связистов сказал: «Это как позывной». Мы загрузили его в старую программу распознавания морзовских сигналов — и программа выдала то, чего мы не ждали.

— Что?

— Она нашла соответствие. Этот же ритм — три, один, три — передавался в эфире с восемьдесят первого года. Слабый сигнал, двадцать восемь мегагерц. Его списывали на помехи от ионосферы. Он шёл всегда, каждые сорок минут, и никто не обратил внимания, потому что он был ровно такой скучный, как фон.

Я вспомнила, как бабушка говорит: «Радио не врёт. Радио работает».

— Значит, оно звало нас сорок лет, — сказала я.

— Оно не звало, — сказал Барсуков. — Оно отвечало.

И тут он сделал то, чего я не ожидала: сел, положил руки на стол и сказал очень просто, без интонации учёного:

— Я думаю, оно отвечало на наш эфир. Понимаете? Мы восемьдесят лет вещаем. Мы включаем передатчики и гово-

рим в пустоту: «Добрый вечер, дорогие друзья». Мир шумит, а мы всё говорим. И однажды в этой пустоте нашёлся тот, кто решил ответить.

— Кто он?

— Это не он, — сказал Барсуков. — Это, если хотите, автоответчик. Архив. Мы не знаем, живой ли он, мы не знаем, что у него внутри, потому что внутрь нас не пускают — там нет двери. Мы знаем только, что он умеет говорить и что он выучил наш язык, слушая нас восемьдесят лет.

— И он пришёл сам?

— Он поднялся, — повторил Барсуков. — И вот тут начинается то, чего я боюсь.

Он поставил на экран снимок: сечение, сделанное каким-то хитрым способом, — плита в разрезе, и внутри у неё было полым, как книга, и в полости — слои.

— Это не устройство, — сказал Барсуков. — Это носитель. Как пластинка. Как кассета. Внутри — слои, которые читаются. Мы смогли прочитать край одного слоя и получили вот это.

На экране появилась картинка: комната, стол, на столе — стакан, в стакане — ложка, и на фоне стены — плакат с двумя квадратами. Картинка была плохая, зернистая, как кадр с плохой плёнки.

— Что это?

— Это не наше, — сказал Барсуков. — Это не наш дизайн, не наша посуда, не наш плакат. Это запись. И таких слоёв

мы насчитали примерно три миллиона.

Ким вошёл в этот момент, не постучав, и встал в дверях.

— Илья, — сказал он. — Скажите ей то, что сказали мне.

Барсуков поморщился.

— Скажите.

— Архив содержит записи цивилизации, которая построила этот носитель, — сказал Барсуков ровно, как читают по бумаге. — Мы смогли датировать крайние слои по деградации структуры. Им примерно сорок тысяч лет. И это не наша цивилизация, Анастасия. Это не наши предки, которые забыли, как строить. Это другой вид.

— И где он?

— Вот в этом и дело. — Барсуков посмотрел на меня и сказал очень тихо: — Нигде. Ни одного следа. Ни в космосе, ни на Земле, ни в записях, ни в грунте. Сорок тысяч лет — и ничего. Мы прослушали небо в этом диапазоне двое суток, и там тишина. Не мёртвая тишина, а пустая: как в комнате, из которой ушли.

Я сидела и слушала, как в аппаратной гудит вентилятор, и впервые за эти двое суток почувствовала не страх, а что-то другое, похожее на стыд.

— Он последний? — спросила я.

— Он — не он, — сказал Барсуков. — Он архив. Он пластинка, которая умеет говорить. Мы не знаем, живой ли он. Но если он записал всё, что было у этих людей, и сорок тысяч лет ждал, когда кто-нибудь включит радио…

Он не закончил, и Ким закончил за него:

— То он пришёл не к нам, — сказал Ким. — Он пришёл к эфиру. Мы для него — не люди, а частота.

Я вышла на улицу и стояла долго.

Было минус девятнадцать, и в этой температуре мысли идут медленно, ровно и как-то честно. Я думала о доме: о бабушке, которая двадцать восемь лет проработала на радиоузле и всю жизнь говорила негромко; о том, как она лежит теперь в темноте и включает телевизор, чтобы не слышать голову.

А потом я подумала: если бы кто-то сорок тысяч лет лежал во льду и слушал наш эфир, первое, что он узнал бы о нас, — это реклама. Он бы увидел, что мы говорим «позвоните нам» и «в целях улучшения качества обслуживания», и он бы решил, что так и надо.

И я поняла, что мне надо сделать, и это было единственное, что я умею.

Утром я пришла к плите с тетрадью в руках и сказала:

— Здравствуйте. Меня зовут Настя. — И показала руками: я, Настя.

Далекие точки в фигуре остановились, как останавливается человек, который впервые слышит своё имя.

«Барсуков, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Дежурный считал импульсы в посёлке.

— Кира, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Запись закончилась в вечер, и снег шёл ещё час.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Ким записывал фразу у ворот КПП.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Запись в блокноте:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас,

чтобы не боялись».

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза две секунды.

Эфирная азбука, лист 104. Знак: «почти час». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. У КПП стоял часовой и не двигался.

Кира ставила чайник на смотровой вышке.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Сводка фраз, лист 25. Произнесено: 5. Найдено в архивах: 118. Новых: 40. Пример: «в целях улучшения качества обслуживания» — источник: эфир, шесть утра, запись найдена.

Запись закончилась в полдень, и снег шёл ещё час.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Гость показывал руками у окна с видом на озеро.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. В машине пахло бензином и мокрой курткой.

Настя ждала ответа у плиты.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Донесение. Объект: плита, у плиты. Зафиксировано 21 импульсов; время полдень. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвестно.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Бабушка писала в тетрадь у ворот КПП.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

«Кира, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Запись закончилась в час ночи, и снег шёл ещё час.

В журнале наблюдений:

Записала: он ответил через почти час после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Не относится к делу: Ким дважды переставил стаканы и оба раза не туда.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Барсуков протирал объектив на смотровой вышке.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В журнале наблюдений:

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Не относится к делу: мать дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 391: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: переводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Запись в блокноте:

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза одиннадцать секунд.

Записала: он ответил через минуту после вопроса. Это его самое длинное молчание.

На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка. Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм.

Ким делал пометку у края плиты.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега.

Кира делала пометку у генератора.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

Плита стояла вмёрзшей и не таяла, хотя вокруг уже подтаивало. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Дежурный пересчитывал повторы на причале.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Всё это было похоже на разговор с человеком, который выучил язык по объявлениям.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. У КПП стоял часовой и не двигался.

Гость смотрел на лёд на станции.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка.

Барсуков ставил чайник у окна с видом на озеро.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. На столе стояли три стакана и один был перевёрнут.

Настя спорила с полковником на льду.

— Ким, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Журнал наблюдения № 339. Время: шесть утра. Погода: снег. Видимость: 17 м. Отмечено: край плиты мигал, когда на льду находился один человек.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Запись в блокноте:

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Не относится к делу: мать дважды переставила стаканы и оба раза не туда.

«Ким, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Ким, он выучил наш язык по телевизору. Теперь он говорит, как объявление, и это страшнее любого крика».

Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

Сводка фраз, лист 225. Произнесено: 4. Найдено в архивах: 21. Новых: 34. Пример: «в целях улучшения качества

обслуживания» — источник: эфир, шесть утра, запись найдена.

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Мать учила знак на станции.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. В машине пахло бензином и мокрой курткой.

Кира спорила с полковником у ворот КПП.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Донесение. Объект: плита, у генератора. Зафиксировано 55 импульсов; время вечер. Импульсы идут ритмом «три коротких, один длинный, три коротких». Основание неизвест-

но.

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Настя, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бывает адресована».

Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка.

Гость слушал эфир в столовой станции.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции.

Бабушка писала в тетрадь в Мурманске.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю усну-

ла без снов.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. На столе стояли три стакана и один был перевёрнут.

Дежурный проверял кабель у генератора.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. У КПП стоял часовой и не двигался.

Настя ждала ответа у плиты.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Запись закончилась в шесть утра, и снег шёл ещё час.

Эфирная азбука, лист 118. Знак: «две секунды». Толкование: просьба, а не утверждение. Примечание: в его речи нет первого лица. Мы считаем это свойством языка.

Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

В машине пахло бензином и мокрой курткой. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Ким смотрел на лёд на дороге в бухту.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

«Настя, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Мать проверяла кабель на причале.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Сорок тысяч лет — это не древность, это одиночество.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Барсуков разбирал запись в машине.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не

чудо, а внимание.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. У КПП стоял часовой и не двигался.

Дежурный пересчитывал повторы на станции.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

«Кира, если комиссия спросит, кто показал сведения ребёнку, скажи: никто. Она просто смотрела».

Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В посёлке горели окна, и в двух окнах был включён телевизор. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Настя молчала и слушала у плиты.

— Это опасно? — Опасно то, что мы уже начали его понимать.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «ин-

тересно».

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. На парте в классе лежал мел и рядом стёртая тряпка.

Ким протирал объектив на причале.

— мать, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север.

Гость сверял архивы на берегу.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

Молчание здесь было не пустым, а полным чужих голосов.

В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

Запись в блокноте:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза минуту.

Записала: он ответил через полминуты после вопроса.

Это его самое длинное молчание.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок. В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише.

Кира выходила на лёд на льду.

— Почему вы не переводите дословно? — Дословно получается ложь. Я перевожу смысл.

Барсуков считал плиту архивом, а не гостем, и это было его способом не бояться.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В журнале наблюдений:

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Если у него нет «зачем», значит, вопрос «почему вы здесь» надо задать иначе.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза почти час.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. На берегу лежала лодка, перевёрнутая вверх дном.

Бабушка записывала фразу у сопки.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто не смотрел.

Ребёнок смотрел на лёд и не спрашивал разрешения — и был прав.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

В машине пахло бензином и мокрой курткой. У генератора стояли канистры и одна была пустая.

Барсуков считал импульсы на причале.

— Почему девочка? — Потому что она не спорит с фактом, она его просто видит.

Ким понимал, что приказ и совесть редко совпадают, и всё равно подписывал.

В архиве было холодно, и картон пах пылью. Утром это выглядело как обычная распечатка, и это было самое странное.

«Барсуков, привези девочку. Я не могу это объяснить бумагами, а она может — руками».

Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

Запись в блокноте:

Не относится к делу: Барсуков дважды переставил стака-

ны и оба раза не туда.

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

В журнале наблюдений:

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Записала: он ответил через почти час после вопроса. Это его самое длинное молчание.

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Сверила с лентой 1981 года: тот же ритм, та же пауза полминуты.

Опись архива, коробка 247. Лент: 12. Из них расшифровано: 2. [Пропуск: 21]

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега. В тетради Насти страницы были расчерчены на три столбца: знак, слово, остальное.

Мать грела руки у генератора.

— Сколько у нас времени? — Пока не приедет комиссия. Потом будет не наше время.

Гость не врал и не говорил правды: он повторял то, что от него ждали.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

На стене висела карта с отметкой у озера и стрелкой на север. За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра.

Настя смотрела на лёд в кают-компании.

— Вы подписали? — Подписал. Но запись останется.

Кира видела то, чего не видели приборы, и это было не чудо, а внимание.

На столе стояли три стакана и один был перевёрнут. Ким вышел на лёд и долго стоял, не поднимая воротника.

В аппаратной гудели приборы, и от гудения хотелось говорить тише. На смотровой вышке ветер был такой, что сдувало шапку.

Кира считала импульсы в столовой станции.

— Что он сказал? — Он сказал «оставайтесь с нами». Это не просьба, это его единственная фраза о себе.

Настя боялась не гостя, а комиссии, которая объяснит всё простыми словами.

У КПП стоял часовой и не двигался. Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

«Настя, тут очень тихо. Я впервые поняла, что тишина бы-

вает адресована».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В журнале наблюдений:

Барсуков утверждает, что это архив. Я утверждаю, что это письмо.

Записать отдельно: в 112 фразах ни разу не встретилось слово «завтра».

Сегодня он впервые сделал шаг, которого нет в его словаре.

В кают-компании пахло супом и мокрой шинелью. В архиве было холодно, и картон пах пылью.

Бабушка смотрела на лёд на смотровой вышке.

— мать, вы понимаете, что это не человек? — Я понимаю, что он говорит. Остальное подождёт.

Она впервые поняла, что адресовать — значит отвечать за ответ.

На столе лежала распечатка: сто двенадцать фраз, девяносто одна с источником. Никто не выключил приборы: выключать было страшнее, чем слушать.

«Ким, я не знаю, как это объяснить, поэтому пишу: он не врёт. У него просто нет слов, чтобы врать».

Настя закрыла тетрадь и впервые за неделю уснула без снов.

Заключение комиссии, черновик. Пункт 349: сведения, показанные ребёнку, подлежат изъятию. Особое мнение: пе-

реводчик считает, что изымать надо не сведения, а страх.

Потом об этом говорили на комиссии, и все согласились, что «интересно».

Запись в блокноте:

Кира говорит, что он говорит светом, а голос — «для вас, чтобы не боялись».

Проверить: край плиты мигает только в темноте; днём — ничего.

Знак «я» он показывает вместе с «все» — значит, у него нет отдельного себя.

Записала: он ответил через одиннадцать секунд после вопроса. Это его самое длинное молчание.

У генератора стояли канистры и одна была пустая. На льду было тихо так, что слышно было, как трещит у берега.

Дежурный ждал ответа в кают-компании.

— Ты видишь? — Вижу. У края мигает: три, один, три.

В эфире не было первого лица, и это объясняло больше, чем весь словарь.

В радиорубке было тепло, и это было единственное тёплое место на станции. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Плита мигала у края — три, один, три — и никто не настраивал этот ритм. В столовой разговаривали шёпотом, будто где-то спал ребёнок.

Гость переводил жест на льду.

— Расскажи, что он говорит. — Он говорит, что его никто

не смотрел.

Настя думала, что переводить — это не передавать слова, а передавать право говорить.

За окном шёл снег и ложился ровно, без ветра. Запись закончилась в три часа ночи, и снег шёл ещё час.

Глава 5. Первый жест

Жестовый язык нельзя выучить по словарю, и это первое, что я сказала Киму, когда он спросил, сколько времени займёт «обучение».

— Вы не можете дать ему список слов. Язык жестов — не перевод с русского. Там другая грамматика: лицо, направление взгляда, скорость, повтор. Одно и то же движение с разным лицом — разные слова. Вы не можете сказать «я тебя люблю» руками, если у вас при этом злое лицо: получится «я тебя ненавижу, но прилично».

— Сколько времени? — повторил Ким.

— Я не знаю. Я учила детей два года, чтобы они начали говорить сами.

Он кивнул и сказал:

— В Москве считают, что у нас четыре недели.

— Почему четыре?

— Потому что через четыре недели начнётся международная комиссия, и они хотят, чтобы к этому времени у нас был протокол. — Ким помолчал. — А ещё потому, что через четыре недели начнётся зима в расписании, а у нас нет денег на отопление станции до марта.

Мы начали утром, на льду, при фонарях.

Я делала самое простое: показывала на себя и говорила «я», показывала на него — «ты», на снег — «снег». Он смот-

рел. Свет в фигуре дрожал на краях, и я поймала себя на том, что ищу в дрожании ритм, как ищут ритм в чужом дыхании.

На третьем часу он ответил.

Он поднял руку и повторил: я.

Это длилось секунду, но за эту секунду мне показалось, что в моей профессии появился новый смысл: тридцать один год я переводила с языка на язык, и вот впервые я не переводила, а давала.

— Да, — сказала я. — Я. Это я.

Он повторил движение, но прибавил к нему ещё одно: рука от себя, ладонью вниз, — «все».

Я, все. Или: я — это все.

— Нет, — сказала я и покачала головой. — Я — это я. Один.

Он посмотрел на меня, и я увидела, как лицо, взятое у диктора Дерюгина, сделало то, что делают лица, когда человек не понимает: брови сошлись, губы чуть сжались.

Он повторил: я, все.

Я записала в тетрадь: «Различает ли он единичное? Или "я" для него = "та сторона"?»

К вечеру словарь был такой: я, ты, холод, тепло, лёд, свет, темнота, идти, стоять, ждать, слушать, говорить, дать, взять. Пятнадцать знаков. Ребёнок осваивает такое за месяц.

Он освоил за день — и при этом не понимал разницы между «дай» и «возьми».

На второй день случилось то, из-за чего, наверное, всё и

повернулось.

Ким попросил меня задать прямой вопрос: зачем они прилетели.

Я подумала и сказала:

— Зачем — это сложно. Давайте так: они здесь. Спросим: почему вы здесь?

— Спрашивайте.

Я встала перед фигурой и показала: ты, здесь, почему.

Он не ответил.

Я повторила. Он смотрел.

Я сделала то, что делают переводчики, когда собеседник не понимает: переформулировала. Ты, здесь, что, хотеть.

Он поднял руки и показал: слушать.

— Он слушает, — сказала я. — Это мы уже знаем.

— Спросите иначе, — сказал Барсуков. — Спросите: что вы будете делать?

Я показала: ты, потом, что.

И он ответил — сразу, уверенно, тем же дикторским голосом, каким говорил всё это время:

— Мы продолжаем нашу передачу.

И вот тогда я поняла, что мы упёрлись в стену, о которой лингвисты пишут книги и о которой никто не любит говорить в новостях.

В языке этого существа не было причин.

Он мог сказать «что». Он мог сказать «когда». Он не мог сказать «почему» — потому что за двести тысяч часов теле-

видения никто ни разу не объяснил ему причину. Телевидение показывает следствие и называет его событием. Телевидение говорит: «произошло», «случилось», «в результате», — и никогда не говорит, зачем.

Я стояла на льду и держала в руках тетрадь, в которой был весь его словарь: сотня фраз и пятнадцать жестов. И я вдруг поняла, что перевожу не язык, а привычку: он смотрел на нас восемьдесят лет и научился не понимать вопрос «зачем».

— Он не отвечает, потому что не понимает вопроса, — сказала я Киму. — Он не уклоняется. У него нет такой полки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.